

Сергей МАЛИЦКИЙ

ТЕНЬ ЛУЧЕЗАРНОГО

**ЭКСМО
МОСКВА
2015**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М19

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

В оформлении переплета использована работа
художника *Ивана Хивренко*

Малицкий, Сергей.

М19 Тень Лучезарного : [фантастический роман] / Сергей Малицкий. — Москва : Эксмо, 2015. — 512 с. — (Фэнтези-бестселлер).

ISBN 978-5-699-78652-7

Приключения королевских детей в жестоком мире Лучезарного продолжают!

Принц Игнис и принцесса Кама, бастард Литус и маленькая Ува, их друзья и помощники — все должны сойтись в одной точке. Поле древней битвы у Барагала — ждет. Но там же неминуемо окажется и тот, кто служит проводником в бездну, спасателем низвергнутого зла. В этот раз он неизмеримо сильнее. С ним его беспощадные слуги. Они будут стоять насмерть, и в схватке с ними не приходится рассчитывать на помощь богов. Битва — грядет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Малицкий С., 2015

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78652-7

Пролог

Амади

Главная орда стояла у Хонора долго. Степняки любовались самой южной атерской крепостью, словно примороженным яблоком, прикидывая, как к нему подобраться да как сорвать. Бастионы на той стороне брода-переката казались неприступными, но орде приходилось преодолевать и более высокие стены. Атерские лучники не покидали бойниц днем и ночью, но менялись редко, значит, их было мало. Дымы поднимались над смоляными котлами беспрерывно, но что толку от смолы в зимние дни? Река сплеталась над переправой тугими струями, не замерзая, лед оседал на высоком берегу. На его гребне хонорцы ладили чаштокол. По каменной тропе над рекой, что напоминала выгрызенный неведомым камнерезом желоб, потоком тянулись с востока беженцы из Араманы, Бабу и Раппу, ползли обозы раненых, шли истерзанные недавними битвами воины. С усталостью и ужасом смотрели они на маннские шатры, стоявшие за темной водой, но с еще большим ужасом оглядывались. И только близ крепостных башен Хонора как будто вздыхали с облегчением, не зная, что в последний день первого зимнего месяца небо на севере почернело и спасения не будет.

В тот день вокруг шатра Телоха встали с обнаженными мечами лучшие воины орды, выстроились живой цепью шаманы, а через час небо на севере расчертили молнии.

— Великий пришел! Правитель мира! — загудели и затряслись от ужаса колдуны.

Куда уж величественнее? — подумал старший евнух Телоха. Кто может тягаться с великим таном? Жалкий король Пурус или кто-то из его атерских вассалов? Или король Балзарг из-за восточных гор? Так разве Телох не оттуда же? Это еще неизвестно, кто станет правителем мира. Но уж во всяком случае не тот, кто обнаружит мир поверженным, а тот, кто его повергнет. Телох и никто иной.

Вслух евнух не сказал ничего. Он стал старшим лишь две недели назад и помнил слова предшественника — всякий ордынец ходит по углям, но евнухи по ним ползают. Поэтому распорядитель танского гарема униженно поклонился сиятельной охране и поспешил убраться к своим подопечным, за которыми нужен был глаз да глаз, могли и лица друг другу расцарапать, и покалечиться в страхе от предстоящей встречи с Телохом, даже зная, что покалеченных все одно ждала смерть, только более страшная и долгая. Тот же Каб надругался бы над девичьей плотью так же, как его повелитель, но сначала бы содрал шкуру. «Раздел бы», как он шипел, плотоядно поглядывая на шатер гарема. А еще более мерзкий Очил мог и отсечь кривым ножом что-нибудь от тела выпавшей ему забавы и съесть у нее на глазах. А уж шаманы следили, чтобы бедняги не испустили дух раньше времени да не визжали громче положенного. Ужас...

Откуда только принесло эту погибель на маннские земли? Как откуда? Пришли-то даку с юга, но так балахонников белых с собой привели, что на вирском лопочут, да и сами не скрывали никогда, что они из-за восточных гор, из Эрсет... Из Эрсетлатари. Подмяли под себя всех. Одни таны простились с жизнью, другие упали на колени и покорились. Степная вольница

сменилась кровавой. Все, до чего дотянулась орда, обрратилось в прах, осклизло и запеклось. От Эшмуна и Миту до Самсума и Бабу. От Шадаллу и Эшшу до Ситту и Кунука. Сколько уже крови было пролито, и сколько еще прольется? И внутри орды все сцеплено ужасом и безумием, жестокостью и раболепством. За что поплатился жизнью старик предшественник? Ведь и слова не молвил! Простудился, скорчил гримасу, сдерживая чихание, да не так губы сложил. Усмешка почудилась Очилу. И ту бедолага стереть не успел, так и покати-лась голова по ковру с усмешкой. Было чего бояться, было. И отобранные для великого тана женушки небеспричинно трясутся в большом шатре. Мало кто из тех, что тряся там до них, выдерживал больше одной ночи с Телохом. Но те, кто погибал во вторую или третью, успевали поведать о многом, и теперь страх жил в каждой складке тяжелой ткани. Разве только принцесса Даккиты не боялась ничего. В тень обратилась. Словно ее и не было. Сидела у стены шатра, или лежала на войлоке, или переступала с ноги на ногу, водила руками, словно танцевать собиралась перед Телохом. Может, и придется, сам евнух не присутствовал при забавах правителя, только ежился от истошного визга и хрипа из его шатра да приходил по танскому рыку, чтобы забрать то, что оставалось от очередной игрушки. Радовался, когда доводилось возиться с истерзанным телом, что за радость добивать хрипящее, булькающее кровью существо, да и что за жизнь калек-кой, к тому же и та заканчивалась после утех Каба или Очила. Любили помощники Телоха продлевать смерт-ный ужас его жертв. Но дакитке и на это не было нуж-ды рассчитывать, жилиста, конечно, но уж больно тщ-душна, и пикнуть не успеет, как дух выйдет. Случалось уже, приходилось волочить евнуху вторую жертву на заклатие зверю в один вечер. Хотя эта дакитка как раз

духом была никак не слаба, когда раз в неделю сам евнух или его предшественник для порядка охаживали подопечных плетью, она одна не издавала ни звука. Даже зубами не скрипела. Зря, духу, так же как телу, нужно давать слабину, нужно, а то ведь можно и помереть от напряжения, случалось такое, случалось. С пяток девчонок не выдержали ожидания, на зависть соседкам умерли от ужаса до встречи с великим таном. Радуйтесь, дуры, заботы одолевают Телоха, только они и продлевают ваши никчемные жизни, а как разгорится страсть, сразу дорогой товар пойдет в расход, а там и принцесса надобность свою обнаружит, да и кто бы ему ни понадобился — найдет недолгое применение.

Второй месяц зимы принес выюги и метели, навалился снегопадами, но морозцем, к счастью, так и не побаловал. Хотя Утукагава на перекате, по слухам, в последние лет пятьдесят не замерзала и в морозы, но мало ли чего не бывало не то что в последние пятьдесят лет, но и в полторы тысячи? Уже донеслись вести, что пал динский Саму, захвачена большая часть Самсума, разве только башни магических орденов не даются степным шаманам, но подберут они к ним ключ, подберут. Открыла ворота разжиревшая, но безвольная Пета, трясутся от страха Махру и Касаду, куда отступили остатки самсумского и тиренского воинств. Туршу вроде бы тоже накрыло пеленой? Конец атерским королевствам близится, бесславный конец. Скоро вся Анкида будет под ордой. До самых прайдских башен доходили разведчики, и уже и прайды, и Самарра, и Галата присылали в орду караваны с продовольствием, в надежде откупиться от гнева Телоха. Напрасные труды. Нет никакого гнева у верховного тана. Только голод в его голосе и голод в его глазах. А данью голод не утолить, голоду нужна кровь.

Орда зашевелилась в середине месяца. Важное происходило за рекой. Беженцы на каменной дороге смешались воинами. Израненными, утомленными, едва бредущими. Лаэты и каламы, атеры и арамань отступали из родных земель. На второй или третий день этого отступления послышался дальний грохот, рокотом отозвались, загудели вершины гор Балтуту. Евнух даже выбрался на берег Утукагавы, смешался с толпой ордынцев, чтобы разглядеть, что творится на севере, и понял, что скалы, нависающие над вырубленной в камне дорогой, рушатся. Летят вниз, искря льдом и снегом, вздымая мерзлую пыль. Заваливают дорогу, скатываются с высокого берега Утукагавы. Видно, были приготовлены засечки в нависающих над желобом глыбах на особый случай, да только распорядился случаем кто-то чужой, потому как глыбы рушились на головы отступающим, а прямо на скалах как будто мелькали быстрые тени. Но едва осела пыль, тени обратились черной пеленой, которая облепила горный склон, зашевелилась и поползла, и евнух, который в последние пять лет уже перестал вздрагивать и пугаться, замер.

— Гахи, гахи, гахи! — понеслось между ордынцами.

Евнух поехал, поднял воротник стеганого халата. Когда он впервые услышал о неведомых воинах, вышибающих виров и араманов из их неприступных тысяч лет крепостей, то долго не мог взять в толк, что значит — «не люди»? Вот даку не люди, дакиты — почти люди, да и что там, считай, что люди, разве только клыки у них. Но так и даку, как говорят, все одно люди. Хотя как посмотришь на Телоха, да и на того же Каба или Очила, или на любого из тех нескольких сотен даку, что пробудили орду от спячки шесть-семь лет назад, взяли ее под свое начало, навели порядок в степ-

ной вольнице, создали страшные ватаги безумных воинов. Разве они люди? Выходит, что люди. А эти...

Ползущие по скалам, словно муравьи, воины, которых были сотни, тысячи, наверное, десятки тысяч — издали казались людьми, но даже даку не могли бы сравняться с ними в ловкости. Вот они приблизились к стенам Хонора и сразу полезли по каменной кладке вверх. Полетели стрелы, полилась смола, закипел бой. Началась осада. Неправильная осада. Страшная осада. Неутешительная для хонорцев.

Забил барабан у шатра Телоха.

— Быстро! — прошипел обнаруживший себя за спиной евнуха Каб, правая рука Телоха. — Собирай баб, уходим.

— Куда? — не понял евнух и тут же осекся, потому как не имел права говорить ни с одним из даку. Но Каб не только не проткнул клинком тушу презренного служителя, но даже не ударил его. Оскалил клыки и прошипел:

— Две лиги вниз по течению. Барка там стоит для твоего табора. Через час должен быть там. А через неделю в Самсуме. Телох проредит твоё хозяйство на месте. Чтобы все были готовы — чисты и без ссадин. Уж побеспокойся.

Евнух ещё успел послушаться сетований ордынцев, которые спешно скручивали шатры, о том, что поживы в Самсуме не будет, потому как тысячи Очила уж точно вычистили великий город, так что придется идти в Махру или Касаду. Хотя вроде бы Эбаббар равняется богатством с Самсумом? Неужели оставит его великий тан в небрежении? А то ведь Хонор, Утис и Фидента уж точно достанутся в разграбление гахам, кто бы они ни были! Видано ли, добычу, что в руки просилась, уступить неведомо кому?

Степные воины не были словоохотливы, но почти два месяца, проведенные на одном месте, расслабили их. «Ничего, — подумал евнух, меся сапогами из тонкой кожи зимнюю грязь низкого берега, — слетит один или два десятка голов с плеч, сразу подберутся и языки, и в глазах появится прозрачность и спокойствие. Хотя, интересно все же, куда направит войско Телох? И что за черная напасть стоит на севере, мешая идти орде напрямик?»

Женщины были загнаны в трюм под надзором младших евнухов, а их старшина остался на корме. Всю неделю кутался в теплое одеяло, тянул руки к жаровне и смотрел на темную воду, лишь раз в день спускался вниз, чтобы размяться, посечь толстым ремнем, который не рвет кожу, спины и ягодицы наложниц. Прошли прежние времена. Раньше евнух мог и головы лишиться, если хоть одна из жен великого тана пожалуется на него, даже на щипок упругой плоти, а теперь опасаться следовало недовольства Телоха из-за расторопности и шумливости несчастных. Хотя, какая может быть расторопность на пути к смерти? Или не недовольства следовало бояться, а холода? Того самого холода, который окатывал евнуха от взгляда Телоха и который он замечал в глазах даккитской принцессы? Каждый день она вставала с топчана, молча одергивала грубое платье, пряча багровые полосы на теле, послушно приближала лицо к тусклой масляной лампе. Евнух вглядывался в черные глаза, но не видел ни испуга, ни ненависти. Только холод, который заставлял его дрожать так же, как взгляд Телоха. Что у нее на уме, у этой тонкой и жилистой девчонки? Да что бы то ни было! Что она может сделать против зверя? Разве только разорваться на части не с визгом, а в гордом молчании?

...Самсум показался через неделю. Над холмами, над крепостными стенами, над окраинными улочками, убегающими от порта к ратуше, башням, храмам, стоял уже истлевающий дым. Вдоль берега теснились барки орды, многие из которых блестели свежим деревом. Рабы из чекеров и ханеев латали урон, нанесенный защитниками великого города. Самсум пал, и разноцветные шатры, заполняющие портовую площадь, были подобны ярким лентам, которыми украшают усыпальницу ате-ры, прежде чем придать мертвое тело пламени.

— Быстрее! — заорал мордастый манн-тысячник, едва барка притерлась к войлочным валкам, брошенным с пирса. — Магические башни пали только два часа назад, и Телох жаждет отпраздновать победу! Прямо там! Девочек к нему! Быстро! Шатер после! Там уже ставят два шатра, и для девочек, и для празднества!

Вот как раз этого евнух и не любил. Не терпел нарушения раз и навсегда заведенного порядка. Девочек следовало омыть после дороги и уж хотя бы дать им оправиться. Но что толку их омыwać, если от порта до площади с башнями было три или четыре лиги хода? Или меньше? Давно евнух не был в Самсуме. Еще мальчишкой бродил по его улицам, и уж конечно, тогда он еще не был евнухом.

— Ты слышишь меня?! — заорал еще громче манн.

— Слышу, — ответил евнух. — Но если Телох выразит неудовольствие, что его жены несвежи, я скажу, что виноват ты.

— Так... — оторопел манн.

— Десять минут, — скривил губы евнух. — Десять минут, и они будут готовы. У меня два котла с горячей водой. И есть во что закутать девчонок, чтобы холодный ветер с моря не просквозил их. Даже если для некоторых из них это будет последним омовением. А ты пока найди мне сорок лошадей. Только для меня и де-

вок. Их тридцать девять. Лучших девок для самого великого тана. И никакой задержки...

...Они все сделали быстро. И не потому, что широкая плеть подрагивала в руках их надсмотрщика. Каждая знала, что ужасный конец неизбежен, но каждая надеялась на чудо, потому что только в этой надежде можно было укрыться от безумия. Неизвестно, какого чуда они ждали, уж во всяком случае не внезапного чувства, которое могло бы преобразить зверя, но каждый день среди тихих, наполненных животным страхом разговоров главной темой было одно — даку такие же люди, и им свойственно испытывать те же чувства, что и людям. Наложницы пересказывали друг другу сотни выдуманных историй о благородных даку, перебивали друг друга, заучивали сказки и уверялись в их подлинности, словно были их свидетелями. Поэтому и единственная среди них дакитка так заинтересовала прочих. К ней подступились в первый же день, окружили кольцом, и принцесса, поняв, что отмолчаться не удастся, окинула несчастных холодным взглядом и сказала, что знала многих даку, а у одного даже бывала в гостях. И что у того много детей дацитов, а жена его обычная женщина, руфка.

— Значит, можно, можно? — восхищенно зашептали страдалицы, но принцесса только помотала головой.

— Нет.

— Почему?

Они были готовы ее растерзать.

— Телох — не даку, — проговорила принцесса. — Он зверь в облике даку. Телох — это смерть.

— Правильно, — выговаривал ей евнух, охаживая принцессу ремнем в первый раз, — Телох — это смерть. А я — это боль. И придержи язык, нечего

болтать. Тут уши и у стен, и у шеста, и даже у шнура, что зашнуривает полог. Поняла?

Ничего не ответила принцесса, только одернула платье и на мгновение показала над нижней губой острия клыков.

— Ты угрожаешь мне? — задохнулся то ли от удивления, то ли от смеха евнух.

— Я убью тебя, — прошептала она чуть слышно. — Если выживу.

Он уже махнулся, чтобы протянуть ремнем поперек скуластого лица, но сдержался. Последние слова остановили. Девчонка явно была готова к смерти. Ну, уж хотя бы с нею проблем не будет, не придется отпавивать успокаивающими травами и нести на усладу великого тана на плече. Эта пойдет сама.

— Не выживешь, — покачал он головой и, ловя лопатками странный холод, поползший вдоль позвоночника к усеченной плоти, отбросил ремень в сторону.

Теперь принцесса сидела на одной из лошадей и, несмотря на опаску евнуха, явно не собиралась совершать попытку к бегству. Она ехала навстречу собственной смерти. И держалась так, словно хотела запомнить собственную смерть навсегда.

— Не дрожишь? — окликнул принцессу евнух. — Как там тебя зовут? Эсокса Гиббер? Думаешь, Телох захочет породниться с правителями Даккиты?

— Зачем? — обратила она на евнуха холодный взгляд. — Зачем ему родниться с кем бы то ни было, если вся Анкида, вся Ки катится в пропасть? Теперь значение имеет не родство, а только смерть. Ты боишься смерти, евнух?

На мгновение ему показалось, что это не он ведет вместе с десятком ордынцев лакомых девок на растер-

зание в логово ужасного зверя, а она, вот эта хрупкая девчонка, направляет его к собственной смерти.

— Плетей, — прошипел евнух в бешенстве. — Плетей получишь столько, что сидеть не сможешь! Сегодня же, если Телох тебя не выберет!

— Выберет, — позволила она себе улыбнуться. Или даже не так. Она улыбнулась. Так легко, словно и не собиралась умирать ни сегодня, ни завтра, никогда. И холод снова прокатился по спине евнуха.

Магических башен на площади не было. Вместо них из камня торчали закопченные огрызки стен, пахло кровью, нечистотами и паленой человечиной. Разодранных на части, искалеченных тел было разбросано по площади больше, чем разлетевшихся камней из обрушившихся строений. Женщины негромко завывали.

— Тихо! — зарычал евнух, обернувшись, и повел обезумевший от страха отряд в сторону, огибая развалины и выбираясь к северной части площади, где уже стояли два огромных шатра. Телох высился между ними, и один из двух его помощников, уступающий ему ростом не более чем на ладонь, Каб тоже был здесь. И всюду, вокруг на лошадях, у костров, раненые и бодрые, уставшие и здоровые роились манной и даку, словно только что вышедшие из битвы, и те из шаманов, что выжили после взятия колдовских башен.

— На колени! — прошипел евнух, придерживая лошадь и сползая с нее в полусотне шагов от шатров. — На колени, мерзавки!

Зашелестели юбки и халаты, захрустел камень и лед под округлыми коленями. Негромкий вой затих, остекленел в глотках.

— А ты? — прохрипел, почти прорычал утробно Телох.